

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО НАД ПОДЛИННЫМ ИСКУССТВОМ

«Нужно ли вообще говорить о музыке? Или прав был Тютчев, и «мысль, изречённая, есть ложь»? Вопрос о нужности или ненужности вербализации музыкального смысла теснейшим образом связан с другим вопросом – является ли сам по себе музыкальный текст законченным произведением искусства? Ответ кажется очевидным - конечно, да! Время не властно над подлинным искусством! Шедевры Баха и Бетховена переживут империи и войны, века и династии, навсегда оставаясь сияющими вершинами человеческого духа. С другой стороны, разве произведение не рождается каждый раз заново под пальцами или смычком великого артиста, или (что случается намного чаще) не умирает ли от шаблонного и унылого прикосновения музыкального ремесленника? Говорить о музыке надо!»

«Мысли об исполняемом». Предисловие к компакт-диску пианиста.

ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСОВ

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ТРУШЕЧКИН

Михаил Трушечкин, выпускник Московской консерватории имени П.И. Чайковского и аспирантуры, класс Е. В. Малинина, глубоко влюблённый в музыку исполнитель. Статью, посвящённую творчеству лауреата трёх престижных международных конкурсов пианистов, неординарного и блестяще эрудированного собеседника, предвосхитили выступления музыканта в моих авторских радиопередачах, многолетнее знакомство с его яркими концертными программами. Беседа с Михаилом Петровичем стала своеобразным продолжением наших встреч в эфире.

Некоторые пианисты считают, что исполнение произведений на его Величестве Рояле, «должно напоминать выразительную человеческую речь или пение». Вы согласны с таким мнением?

Отчасти согласен. Но, как любое обобщение, оно не совсем верно. Музыка не может быть ограничена только схожестью с человеческой речью или пением. Если, скажем, мы играем сочинение Сергея Прокофьева, может быть нужно изображать работу какого-нибудь механизма. Или, как у любившего паровозы композитора Артюра Онеггера, изобразить работу паровоза «Пасифик». Выбор приёма исполнения полностью диктуется художественным замыслом композитора. Но, в базовом отношении, я нахожу много общего в извлечении звука с человеческой речью. С пением, кстати, в меньшей степени, чем с речью. Вижу огромную связь, просто прямые ассоциации, с драматическим искусством. На занятиях своим студентам я постоянно цитирую А. С. Пушкина. Что-нибудь из «Маленьких трагедий», чтобы подсказать, как надо играть на рояле.

Ясно, что музыкант обязан быть всесторонне образованным человеком. Но как вы определите кто такой истинный пианист?

На этот вопрос можно ответить очень коротко, можно и так, что мы будем долго дискутировать. Краткий ответ: пианист – человек, играющий на фортепиано, соответственно музыкант – человек, занимающийся музыкой. А что такое музыка?

Один из возможных ответов – музыка есть язык Вселенной, язык Бога.

С уточнением некоторых аспектов, считаю, что мы с вами думаем одинаково. Предложу такую иллюстрацию. Например, художник Огюст Ренуар написал портрет молодой актрисы театра «Комеди Франсез» Жанны Самари. Мы видим, как она прекрасна, как она грациозно оперлась на руку и сейчас улыбнётся. На портрете она как живая. А ведь живая Жанна Самари в тысячу раз была многограннее образа, запечатлённого на этом портрете. Или сравните пейзажи, закаты и восходы солнца на картинах живописцев и в природе, где они созданы Богом.

А музыка в природе не существует. Ни во Вселенной, ни где бы то ни было. Она существует только в сердце и в голове человека. И чтобы не возникло противоречие в наших позициях, уточню: чтобы *возникла музыка, Богу нужен был Иоганн Себастьян Бах*. Поэтому, для меня музыка – одно из ярчайших свидетельств бытия Божия. Подчеркну, музыка и нравственный закон внутри нас – *две главные составляющие* нерушимости для меня доказательства бытия Божия.

В вашем репертуаре - многие десятки сочинений композиторов разных стран и столетий. Между тем, в одной из бесед на радио вы сказали, что «предпочли бы исполнять только сочинения Иоганна Себастьяна Баха».

- Помню, однажды, - вспоминает Трушечкин, - у меня состоялся необычный разговор с друзьями-альпинистами. Они спросили: - Если композиторов уподобить четырнадцати горным вершинам - восьми тысячникам. Какой высоты будут Бетховен, Шопен, Шуман? - Восми тысячники, - ответил я. – А Бах? - спросили меня альпинисты. – Для Баха вершины нет. Такая вершина должна была бы достигать, по крайней мере, высоты в двенадцать километров. Таково моё отношение к творчеству Баха.

А почему я исполняю произведения других композиторов, отвечу известной фразой поэта Юрия Левитанского: *«Каждый выбирает по себе слово для любви и для молитвы. Шпагу для дуэли, меч для битвы каждый выбирает по себе».*

На этой фотографии вы - на вершине горы, рука в снегу. Я ещё не встречал пианиста, столь серьёзно увлечённого альпинизмом. Не рискованно ли такое «легкомыслие» для исполнителя?

Жизнь-то одна. Всё хочется успеть. И если не стремиться к каким-то заоблачным результатам, если не заниматься альпинизмом на уровне чемпионатов, это – не разрушающая нагрузка. Она не так велика, как кажется. Она намного легче, чем нагрузка пианиста, который «работает» на рояле.

Насколько сейчас остра конкуренция среди пианистов?

Конкуренция в музыке не так уж остра. Все мы служим одному делу и когда на различных конкурсах решается кто получит первую, а кто вторую премию – это вопрос, скорее, политический.

Много лет назад блистательная скрипачка, выпускница Московской консерватории, лауреат шести международных конкурсов Изабелла Петросян в беседе со мной сказала: «Я поняла, что участие в них, вообще

не нужно. Конкурс – не показатель профессионализма». А для вас участие в конкурсах оказалось полезным?

Они, к сожалению, всем нужны. Конкурсы – некие правила игры в современной системе музыкальной индустрии. Для того, чтобы пробиться и получить право выступления на каких-то концертных площадках, должна существовать система доказательств. Таким и стал самый первый конкурс, учреждённый ещё в 1890 году Антоном Рубинштейном. Традиция эта продолжилась в 20-е - 30-е годы прошлого века конкурсами в Варшаве, Германии и т. д. И вылилась в достаточно стройную систему подготовки пианистических кадров. Действительно, не всегда исполнитель, удостоенный первой премии, является для меня музыкальным авторитетом. Но, тем не менее, существующую систему нужно воспринимать такой, какая она есть.

А кто для вас, ученика блестящих исполнителей, в числе которых Евгений Васильевич Малинин, оказался музыкальным авторитетом?

Считаю, что педагог всегда должен быть авторитетом для ученика. Если рухнет это звено, эта вертикаль авторитета, станет невозможной всякая преемственность. Для меня таким авторитетом была музыкант от бога, выдающийся педагог Музыкального училища имени Гнесиных Ирина Ивановна Савина. Её критерии, её подходы, технологии выработки профессионального мастерства исполнителя-пианиста не знали себе равных.

ПЕДАГОГ И УЧЕНИК

Наступает третье десятилетие двадцать первого века. Темп жизни ускорился, что ощущается и в музыке. Однако, композиторы прошлых

столетий многие свои сочинения писали в расчете на более сдержанное исполнение. Как вы полагаете, не совершаем ли мы ошибку значительно «осовременивая» произведения классиков?

А почему вы думаете, что музыка 19-го века требовала более медленного исполнения чем сейчас? Темп не есть раз и навсегда определённая данность, даже если композитор обозначил его в метрономе. Темп устанавливается исполнителем в зависимости от своего замысла. Например, я исполняю «Интермеццо» Иоганнеса Брамса очень медленно. Моё исполнение послушал замечательный пианист Михаил Сергеевич Воскресенский, подумал и сказал: «Знаешь, я эти произведения играю в полтора раза быстрее. Но мне нравится твоё исполнение, меня оно убеждает. Продолжай играть так». Таким образом, я считаю, что темп – важнейшая часть замысла исполнителя.

Михаил Петрович, знаю, что вы любите и замечательно исполняете произведения выдающегося советского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева. Есть ли произведения для фортепиано композиторов второй половины двадцатого столетия, которые обязательно должны быть включены как в ваш репертуар, так и репертуар ваших студентов?

А кого вы имеете в виду? На Прокофьеве музыка не завершилась. Был Шостакович! Как говорил мой покойный отец: «Шостакович – предпоследний великий композитор».

А последний?

Надеюсь, что он ещё не родился!

Видимо, образно говоря, сейчас в фортепианной музыке возникла «пропасть между великих гор»?

Я не испытываю никаких неудобств от этого. Так как музыки написанной до Дмитрия Шостаковича хватит, чтобы играть, как говорится, «до скончания времён». Когда пианиста Григория Соколова спросили: «А почему вы не играете современную музыку?» - Как не играю, - удивился он. – Играю! Вот Франсуа Куперен, например.

Значит, если сочинения авторов прошлых столетий сегодня исполняют, - это современная музыка. А если произведение, написанное вчера, сразу забыли, то оно – не современно!

Как нынешние студенты-гнесинцы воспринимают творчество композиторов? Помню, вы однажды в эфире сказали: «бездна разделяет наши поколения»!

Проблема отцов и детей существовала всегда. Но, вернусь к началу нашей беседы. Музыка – это некий универсальный язык. И, если человек начинает

ею заниматься, через усилия своего педагога он принимает воззрения, которые изначально в неё заложены. Так было и со мной. Когда я учился, то смотрел на педагога, впитывал впечатления не только глазами и ушами, следил не только за пальцами и темпом исполнения, но даже за выражением лица педагога. Это было одной из важнейших частей информации развития музыкального образа.

Для студентов своего класса я составляю списки кинофильмов, которые они должны посмотреть, стихи, которые они должны прочесть. И периодически это проверяю. Например, говорю: «Как ты можешь исполнять это произведение, если не посмотрел, например, фильм «Андрей Рублёв»? Или фильмы знаменитых режиссёров Куросавы либо Феллини»? Музыкант не может заниматься музыкальным искусством, будучи «неандертальцем» во всех иных областях! К сожалению, вынужден констатировать, что, несмотря на серьёзное развитие современных информационных технологий, многие нынешние молодые люди очень ограничены в своих знаниях. Я вспоминаю, как тридцать лет назад услышал по радио гениальные стихи, которые посчитал необходимыми в своей повседневной жизни. Но как их тогда было найти? Надо было пойти в библиотеку, перелистать том за томом... Я нашёл эти стихи. Это была шестая «Северная элегия» Анны Ахматовой.

Сейчас в интернете достаточно просто набрать первую строку этой элегии и через мгновение получишь ответ. Но эти стихи мало кто знает. По крайней мере из моих студентов. А я без них не могу жить, так же, как без стихов «хокку» японского поэта Мацуо Басё, которые когда-то услышал в прекрасном исполнении актёра театра и кино Александра Кайдановского. В библиотеке я перерыл огромное число сборников японских поэтов и нашёл потрясшие меня стихи Басё. Уверен, когда человеку нужно, он найдет искомое. А если нет стремления совершенствоваться, интернет, как помойка, затянет человека. В этом опасность для человека, который не определился с системой ценностей. Я считаю, что человек *не должен получать больше свободы, чем та, которая есть у него внутри*. Слабый человек чаще всего выбирает путь вниз, а не вверх, к совершенству.

Как вы оцениваете перспективы развития русской пианистической школы, наследницы великих музыкантов Рубинштейна, Рахманинова, Гилельса, Рихтера?

Видите ли, я считаю, что явление обществу крупной личности определяется не только её масштабом, но и потребностью людей. Ответить, как будет идти музыкальное развитие, трудно. Могу лишь сказать, что я вижу смысл своей жизни в том, чтобы та миссия, которая доверена лично мне - передать своим студентам то, что я получил от своих выдающихся педагогов - осуществилась в полной мере. Я прикладываю к этому все свои усилия.

Что бы вы сделали, если бы вам, например, предложили стать Министром культуры?

Я бы предложил разработать закон или последовательную систему законов о чистоте информационного продукта. Мы ведь защищаем, сертифицируем, например, лекарства. Нам на вполне законные основания просто не дадут выпустить случайные лекарства. Что абсолютно правильно! А почему людям совершенно не компетентным позволяют «делать» так называемую, музыку? И распространять её в массы! Если система законов о чистоте информационного продукта будет введена и граждане страны смогут на ведущих государственных телерадиоканалах слушать музыку, скажем, Карла Филиппа Эммануила Баха и Скарлатти, Моцарта и Генделя, других замечательных творцов, то через десять-двадцать лет постоянного прослушивания люди поймут и полюбят такую музыку. Вот где сокрыта великая тайна воспитания высокого через своеобразное «культурное насилие».

Повторю, ни один человек для своего же блага не должен получать больше свободы, чем у него есть внутри. Если человек внутри - раб каких-то своих пороков, ему нельзя давать абсолютно свободу-вседозволенность. Он воспользуется ею во зло. Для развития высококультурного общества нужен лидер, который вопреки низким потребностям и вкусам части общества возьмёт на себя ответственность поднимать культуру.

Должен ли музыкант, радеющий об исполнении произведений композиторов-классиков, образно говоря, быть некой преградой музыке «с пониженной социальной ответственностью»?

Вспомните, что когда-то в России не было своей музыки и живописи, не было своей архитектуры. Существовали такие времена. Религию мы взяли в Византии. Где сейчас Византия? Думаю, подавляющее число людей даже не знает, когда она пала. А Русь стоит, Россия стоит! И, поистине, является хранительницей Православия. Возьмите художников. Много десятилетий тому назад русские мастера живописи почитали за честь поехать учиться в Италию. В 19-м веке русская живопись стала грандиозным, всемирно признанным явлением. А русские музыканты начала 19-го века. Вспомните – Верстовский, Алябьев... Это при том, что на западе уже были Бах, Шуберт, Бетховен. Но русская музыка в конце 19-го века опять «впереди планеты всей», как говорил Владимир Высоцкий. В мировой культуре имена имеют огромное значение. А в 20-м веке великие композиторы вообще остались только в России – Прокофьев и Шостакович, в первую очередь.

Русская поэзия, русская литература, как у Достоевского, стоит на том, чтобы «всю душу перевернуть». Мы стремимся во всём дойти до предела, до предела

понимания. Или возьмите феномен юродивого. Ему за страдания, за сверхъестественную веру Бог посылает дар пророчества. В какой ещё культурной традиции есть такое! Разве что-нибудь подобное есть у американцев, девизом для которых стали слова: «если ты такой умный, почему – такой бедный»? Значит, если ты богач, ты - не герой? И в этом смысл существования американского общества!

Понятно, что наша и их культурные традиции, никогда не пересекутся. А почему нам дарована высокая духовная традиция? Наверное, в компенсацию за трагическую судьбу страны и народа. Вот за это бесконечное мученичество, я думаю, Бог и дал нам особую возможность проникновения в сущность высокой поэзии, живописи, и Музыки. *И я искренне убеждён – нам нельзя терять великую русскую культуру!*

Беседовал Константин Смертин.